областей государства, но и для Москвы. За то, что «Повесть» написана в Москве, говорит ряд топографических данных, встречающихся в ней. Автор знает Ивановскую площадь в Московском Кремле. Правда, он считает ее местом собрания стольников, чего в действительности в XVII в. не бывало. Стольники собиоались на Постельном коыльце — площадке Кремлевского дворца, с которой объявлялись указы и на которой можно было услышать все новости, касавшиеся служебных назначений. Этот характер Постельное комльцо не утратило и в самом конце XVII в. Так, в 1699 г. стольников, стряпчих и жильцов, вызванных на смотр, «смотрели» генералы на Постельном крыльце. 31 Некоторые из стольников — «комнатные», — стоявшие ближе к царю, имели доступ в его личные покои — «комнаты», откуда и получили свое название. 32

Ивановская же площадь, находившаяся около колокольни Ивана Великого, была местом сбора «плошадных» подьячих. Там помещалась «полатка», в которой писались челобитные. То обстоятельство, что автор смешал Постельное коыльцо и площадку на нем с Ивановской площадью. лишний раз указывает на то, что в период составления «Повести» Постельное комаьно с переездом наря в новую столицу уже утратило свое значение. Однако часть «знатных персон», с которыми свел знакомство Фрол Скобеев, несмотря на грозные указы, еще оставалась в Москве и всячески оттягивала свой переезд в новый «парадиз». Кремлевские здания ветшали. Чиновная Москва постепенно замирала, ее приказы мало-помалу прекрашали свое существование. На смену им вскоре пришли коллегии, но их образование еще не нашло отражения в «Повести».

Знает автор и Успенский собор в Кремле, и Новодевичий монастырь, в кельях которого доживали свои дни многие представительницы аристократического мира Москвы. Вероятно, поэтому автор и поместил сюда

сестру стольника Нардина-Нащокина.

Изложенные выше наблюдения приводят к выводу, что «Повесть о Фроле Скобееве» написана в Москве. Автором ее был мелкий дворянин. избравший своей профессией «хождение за делами», подобно герою его «Повести». Относясь пренебрежительно к старому чиновному миру, отживающему свой век, автор выдвигает в противовес ему новый тип довкого пройдохи, который завоевывает себе право на существование всеми доступными ему средствами, независимо от их моральной сущности. Этот тип дельца характерен для Петровского времени. При Петре вместо «породы» в основу служебной карьеры легли личные качества: сметливость, сноровка, способность к труду. Они открывали обладателю их возможность выдвижения по службе и достижения высоких степеней. В январе 1712 г. был издан именной указ: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии не был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать и писаться только офицером, а шляхетству (которые не в офицерах) только то писать, куда разве посланы будут». 33 Этот указ хорошо выражает новую точку зрения. Однако открывшаяся возможность продвижения по служебным ступеням имела и свою оборотную сторону. Слишком велик был соблазн использовать ее в своих личных интересах. Нередко пускались в ход клевета, наговоры на соперников, подкупы, взятки, процветало казнокрадство. Если об-

³¹ Записки Желябужского с 1682 по 1709 г. Изд. Российской Академии, СПб.,

^{1840,} стр. 145—146.

³² И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. 1. М., 1895, стр. 306.

³³ Полное собрание законов, т. IV, № 2467. Здесь новые, достигнутые выслугой чины противопоставляются прежним, «природным», причем преимущество явно на стороне первых.